

Ранние этапы заселения Брянского края славянами*.

Проблемы отечественной истории и всеобщей истории. Сборник статей памяти Н.И. Платунова. В соавторстве с Чернышовым С.В. Брянск: РИО БГУ, 2007 год.

Значительная часть Брянской области входит в состав Среднего Подесенья (примерно от Жуковки (устье Ветьмы) на севере до Новгород – Северского или Сосницы (устье Сейма) на юге, в меньшей степени она принадлежит Верхнему (исторически - Смоленскому) Подесенью, а также бассейну Сожа – Ипути и р.Снов. Почти во все исторические эпохи она находилась на стыках различных природно-хозяйственных, этнокультурных, потестарно-политических ареаловⁱ и в то же время и по этой же причине составляла особый (во всяком случае, в деснинской ее части), уникальный комплексный регион – «Брянский край»ⁱⁱ. Фундированная, базирующаяся на оригинальных полевых и теоретических изысканиях автора и возглавляемого им творческого коллектива, аргументация этого положения была неоднократно сделана для финальных этапов (IX-Xвв.) славянского расселения на Брянщине и периода Древней Руси. При этом основное внимание уделялось соотношению разного типа и таксономического уровня пограничий. Поскольку этим периодам посвящены десятки работ, привести даже их краткий перечень не представляется возможным. Для сравнения отметим, что ранние этапы славянского расселения (первая половина – середина I тысячелетия н.э.) являлись лишь побочным объектом внимания полевых и теоретических исследований БГПИ – БГУ в 80-е – 90-е годы XX в. Из специальных работ можно отметить лишь несколько научно-популярных и учебных публикаций автора, и буквально 2 научно-информационных статьиⁱⁱⁱ. Еще одна статья (по вещам с эмальями) сдана в сборник университета Марии Кюри-Склодовской в Люблине.

Гораздо большее внимание данной проблематике уделяли археологи Брянского и Трубчевского музеев (Ф.М.Заверняев и В.А.Падин), калужские, смоленские, московские, ленинградско-петербургские и украинские ученые. Однако для последних Брянщина являлась окраиной исследуемых ими в теоретическом плане археолого-культурных ареалов.

В аспекте полевых исследований изучались учеными этих центров прежде всего приграничные участки между Смоленской, Калужской областями и Брянским краем. В итоге самым северо-западным пунктом почепской культуры оказалось поселение у д.Спартак на смоленско-брянской границе, изученное смоленскими и ленинградскими археологами^{iv}.

О происхождении славянского этноса в Восточной Европе существовало множество взаимоисключающих гипотез разной степени археологической обоснованности. Крайними являются «автохтонистская» (ряд украинских ученых – последователи В.П.Петрова, а также Э.А. Симонович, Б.А.Рыбаков). Корни славянства уводятся здесь в трипольскую культуру эпохи энеолита – ранней бронзы, или, по крайней мере, в круг предскифских и «скифоидных» культур поздней бронзы и раннего железного века (тшинецкая, комаровская, белогрудовская, культура скифов земледельцев (сколотов)). Реминисценцией этих взглядов является отнесение к славянам брянских культур раннего железного века, прежде всего юхновской (В.А.Падин)^v. Другая крайняя точка зрения («скептическая»), наиболее четко выраженная у И.П.Русановой – первой достоверно славянской является только культура Корчак (VI – VII вв. н.э.). Эта исследовательница считает недоказанным славянство даже той культуры VI – VII вв., которую большинство остальных исследователей, включая и весьма осторожного В.В.Седова, интерпретировали хотя бы как частично славянскую (пеньковская – «антская»)^{vi}, а Б.А.Рыбаков полагал даже принадлежащей «русам»^{vii}.

Большинство современных исследователей считают возможным начинать историю славянизации Восточной Европы с рубежа нашей эры – с начала позднего этапа зарубинецкой культуры, расходясь в датировке этого «начала» и в деталях его этнического содержания.

* Статья написана на средства гранта РФГФ № 05 – 01 – 01339а

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА И.Г. ПЕТРОВСКОГО
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

241036, БРЯНСК, УЛ. БЕЖИЦКАЯ, 14, Тел. (4832) 66-66-45,
E-MAIL: HISTORFACULTY@MAIL.RU, BGU2ISTFUK@YANDEX.RU
ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ: HTTP://HISTORFACULTY.NAROD.RU

Что касается самой зарубинецкой культуры раннего этапа (II – I вв. до н.э.), когда она явно представляется единой, то и по этому поводу единства нет. Имеются и сторонники ее славянского, и западнобалтского, и смешанного балто-славянского происхождения, при допущении германского или иранского воздействия. Не вдаваясь в детали этой дискуссии¹⁰, отметим, что с Брянщиной связаны только поздние¹¹ или пост-зарубинецкие древности «горизонта Рахны-Лютеж-Почеп»¹² в их почепском (северо-восточном) варианте, или т.н. «почепская культура»¹³.

Поскольку если не по происхождению, то по основному ареалу «почепская культура» связана с Брянским краем, рассмотрим ее подробнее. Последняя из работ, посвященная ее историографии, подготовлена брянско-петербургским молодым археологом С.В.Воронятовым (2004) указавшим на наличие 13 почепских памятников¹⁴. При всей разнице взглядов, большинство исследователей связывали эту культуру с эволюцией зарубинецких древностей и в той или иной степени – с этногенезом и расселением славян в восточной Европе в целом и в деснинском ее регионе в частности. Исключение составляет лишь автор самого термина – А.К.Амброз, возводивший почепскую культуру к местным балтским древностям, представленным юхновской культурой раннего железного века¹⁵.

Отметим отдельно не упомянутую С.Воронятовым и стоящую особняком, хотя и контаминированную со взглядами М.Б.Щукина точку зрения украино-петербургского исследователя Ю.Ю.Шевченко.

Основателями почепской культуры (использует этот автор и термин «горизонт Рахны-Лютеж-Почеп» как несколько предшествующий собственно почепской культуре) Ю.Ю.Шевченко считает бастарнов – певкинов, переселившихся на Средний Днепр под натиском Рима. Прихватив с собой часть местного позднезарубинецкого населения, одно из бастарнских племен – роксоланы – переселилось дальше на север, в Подесенье, где получило сводное наименование – россомоны, под которыми и следует понимать носителей почепской культуры¹⁶. Затем под давлением вельбарцев и пшеворцев – «готов и готтонов», «увлекших за собой иные, не готские, группы населения из области ассимилирующихся культур: днепро-двинской и штрихованной керамики «почепское население» (россомоны) «были вытеснены»¹⁷. Однако контакты готов с подчиненными россомонами зафиксированы через 200 лет после предполагаемого «вытеснения» первыми последних. В правление Германариха (середина – вторая половина IV в. н.э.) «вероломному... племени россомонов, которое в то время служило ему в числе других племен, подвернулся... случай повредить ему»¹⁸. Исключение составило восточнопочепское (по мнению этого исследователя) население на Северском Донце, представленное на поселении Терновка – 2. Надо сказать, что другие авторы (А.М.Обломский, Р.В.Терпиловский, например) считают это население за отдельную (не «почепскую») группу позднезарубинецких¹⁹. Начало раннего этапа почепской культуры Ю.Ю.Шевченко считает возможным датировать серединой – I в. до н.э., развитого – 6 - 20 гг. н.э.²⁰, а ее окончание – второй половиной II в. н.э.²¹. В принципе идея о бастарнах, и как о носителях (наряду с фракийцами-гетами) культуры Поянешти-Лукашевка²², и как об этносе, контаминированном с образованием почепской культуры, имеет основания для существования. Однако, во-первых, о них можно говорить лишь как о «первотолчке» миграций, приведших к образованию этой культуры, а не о как о ее основном «этническом» компоненте. Во-вторых, несколько позднее, чем указывает Ю.Шевченко, действительно, на Среднюю Десну проникают все же позднезарубинецкие, а не поянешти-лукашевские артефакты. Дата 29 г. до н.э. – поход римлян на бастарнов (по Ю.Шевченко) может быть лишь отправной точкой «раскрутки того маховика», который лишь через несколько десятилетий мог отразиться на этнической ситуации в регионе, отстоящем на несколько сотен километров от места изначального толчка. Можно добавить к тем импульсам, которые придали импульсу миграций особую силу, также и образование в северо-западном Причерноморье гетского, а затем многонационального государства Буребисты (Биребисты) во второй половине I в. до н.э. Однако с чем вряд ли можно согласиться – это соотнесение с днепровско-деснинской ветвью бастарнов роксоланов-россомонов. Последние все же в большинстве относятся к сарматским племенам²³, а не к центральноевропейскому по происхождению кельто-германскому миру (как отчасти поянешти-лукашевская культура). Кроме того, прямых данных – ни письменных, ни археологических, о вторжении предположительно связанной с этой культурой бастарнской группировки в зарубинецкие пределы нет. С другой стороны, именно в начале – середине I в. н.э. зафиксировано продвижение с запада на восток

пшеворцев–вандалов и праславян²⁴, как бы «сминавших» и вытеснявших зарубинецкое население. Сохраняется версия и о сарматских набегах. Впрочем, вопрос о «первотолчке» не столь важен, ибо главными переселенцами в Подесенье были не изначальные агрессоры, а стронутая ими с места масса жителей зарубинецкого Среднего Поднепровья. Остальные исследователи склоняются в основном к более поздним датам перерастания классической зарубинецкой культуры в позднюю (в т.ч. и почепскую) – от рубежа н.э. или начала I в. н.э. (П.Н.Третьяков), до рубежа I и II вв. н.э.(В.В.Седов), с промежуточными точками зрения – 30-40-е гг. I в.н.э. (К.В.Каспарова, М.Б.Щукин), третья четверть I в.н.э. (А.М. Обломский)²⁵.

Впрочем, и у этих исследователей допускается «этапность» в формировании круга почепских древностей. Так, В.В.Седов, в своей теперь уже «ранней»(с учетом того, что с нее начинается серия его обобщающих трудов по раннеславянской истории), но ставшей классической работе 1982 г. отмечает, что «зарубинецкие элементы становятся преобладающими в культуре Подесенья» к концу I в. н.э., однако появляются они здесь еще в I в. до н.э.²⁶

Если брать «общепринятую» (без Посеймья и Северского Донца) территорию почепской культуры, то 16 достоверных ее памятников, т.е. 70 % из общего числа (23) хотя бы минимально изученных, приходится на территорию Брянской области. Еще 6 расположены в Черниговской области и одно –селище у д.Спартак – на смоленско-брянском пограничье (рис.1).На Брянщине «почепские» поселения концентрируются вдоль Судости – Вабли, Навли, нижней Болвы и на Десне (в основном на участке между Брянском и Жуковкой), четыремя – пятью группами.

Наряду с преобладающими прямоугольными землянками, на наиболее изученных памятниках обнаружены наземные «длинные дома» столбовой конструкции и круглые, слегка заглубленные в землю, жилища (Почепское селище, поселение Святое – 4 на р.Навля и Борки III на р.Судость)²⁷. Последний тип жилищ имеет более поздние аналогии как на юге, в древностях гунно-болгарского времени²⁸, так и в почти в синхронных памятниках типа Картамышево – Терновка на Сейме и Верхнем Дону²⁹, где они также могут быть связаны и со степным (гунно-акацирским) влиянием. Но они есть и в мощинской культуре³⁰, где прямое степное воздействие вряд ли возможно – это либо самостоятельное «изобретение», либо «почепское» воздействие. Сами же почепские круглые жилища могли быть отражением южного, хотя и весьма незначительного, иранского (сарматского) компонента в составе почепского населения. Наземные каркасно-столбовые дома могут быть реминисценцией германо-балтских, землянки – славяно-балтских традиций.

С мощинской культурой верхнего Поочья³¹, а опосредованно через него – и с именьковской культурой среднего Поволжья³² некоторые исследователи связывают судьбы «почепцев» (среди которых могли быть и первые славяне на Брянщине), вынужденных покинуть Подесенье под давлением готов или повторной волны балтов (или прото -балто-славян) - носителей культуры штрихованной керамики и тушемлинской. Путь к «мощинцам» мог проходить как по Навле, так и Болве, где зафиксированы «почепские памятники».

Уход на северо-запад, вверх по Десне, археологически никак не прослеживается. Днепродвинская культура сохраняет свою монолитность до конца III – начала IV в. н.э., а то и до конца IV в., да и тогда влияние внешних факторов было сведено до минимума и «не играло существенную роль в процессе сложения (последующей – Е.Ш.) тушемлинской культуры»³³

Не исключен и путь «почепцев» дальше на верхний Дон, где обнаружены близкие почепским позднезарубинецкие древности, а затем и в район Самарской Луки на Волге³⁴.

Этническая принадлежность «почепцев», как и предшествующих им зарубинцев, остается спорной. Погребения по обряду кремации не дают возможности восстановить их физический облик.

Кроме того, известен лишь один могильник этой культуры – Груд в окрестностях Чернигова, да и тот частично относится к последующему периоду - киевской культуры³⁵.

В этой связи весьма перспективной может оказаться находка, сделанная В.О.Пискуновым в р.Десна юго-восточной окраине с.Хотылево. На дне реки у осыпающегося берега обнаружена лощеная ребристая миска зарубинецкого облика и кальцинированные кости (рис.3). Судя по устному описанию, могильник (если миска действительно указывает на него) находился на примерно равном расстоянии (400-500 м) между двумя известными поселениями с почепским

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА И.Г. ПЕТРОВСКОГО
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

241036, БРЯНСК, УЛ. БЕЖИЦКАЯ, 14, Тел. (4832) 66-66-45,
E-MAIL: HISTORFACULTY@MAIL.RU, BGU2ISTFUK@YANDEX.RU
ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ: HTTP://HISTORFACULTY.NAROD.RU

слоем – Хотылево – 3 и Хотылево – 1 (селище «Устье Гасомы») и связан с обеими. Впрочем, даже если это действительно окажется могильник, то в силу особенностей погребального обряда он вряд ли внесет большую ясность в этноантропологическую характеристику «почепского» населения.

Что касается его общественной организации, то автором уже была предложена интерпретация особой топографии поселков этой культуры (редкие, но сравнительно большие)³⁶. Можно обратить внимание на постепенно устанавливаемые и дополняемые особенности размещения населения в границах культуры. Во – первых, до сих пор на фоне всех исследованных поселений выделяется главное, собственно Почепское селище. По размерам – около 15 га – с ним может сравниться лишь поселения в устье Гасомы, остальные – намного меньше (0,5- 3 га). Чем дальше на север и восток располагаются поселения от «базового», тем меньше становятся их размеры. Нам представляется два возможных варианта объяснения этого феномена. Либо Почепское селище – «столица»-центр какого-то этнопотестарного образования типа союза племен, либо - перевалочный пункт, базовый лагерь на пути расселения позднезарубинецкого населения в Среднем Подесенье. Как уже говорилось, здесь выделяется несколько локальных групп или гнезд поселений с пока не определенной внутренней структурой. Более-менее ясная картина вырисовывается лишь для Хотылевского гнезда. Его центром является селище в устье Гасомы и предполагаемый могильник (и культовый центр ?). Поселки протянулись от него как вверх по Десне на 1,5 (Хотылево -3) или даже 4 км (Хотылево - 11), так и вниз по ее течению – до Белокаменки (2 км). Связаны с этим гнездом и небольшие поселки в пойме левого берега Десны (Хотылево 12, прямо напротив Хотылево 11) и, возможно, в низовьях Болвы (до Шибинца). Если эти наблюдения подтвердятся и после более тщательного целевого исследования других предполагаемых «гнезд» - на верхней Судости, на Десне в районе Жуковки – Дубки, на современной брянско-смоленской границе, на Навле, средней Болве, то можно говорить либо о «пульсационном», толчкообразном характере заселения если не во враждебной, то чуждой среде, либо о наличии шести-семи «племен» в объединении вокруг Почепского селища. Однако, с учетом того, что Почепское селище обычно относят к позднему этапу культуры³⁷, можно расценивать его и как «последнее убежище» жителей этой культуры перед их уходом из Подесеня.

Интересен и облик самой «столицы» - она представляет собой единый хозяйственно – культурный комплекс (жилища – в одной его части, крупные хозяйственные, общественные («залообразные»)³⁸ и возможно – культовые сооружения – в другой). Он говорит о сравнительно четкой и единой планировочной и социальной структуре, и в то же время – этническом разнообразии (минимум два, а то и (с круглыми полуземлянками) – три типа жилищ). Есть точка зрения, что «различие в характере построек обусловлено сосуществованием на поселении двух этнографических групп жителей»³⁹. Одна из них – почти несомненно балтская (или прото-балто-славянская), вторая – пра - , или, по крайней мере, прото-славянская (если не учитывать точек зрения о германо-бастарнской или роксоланской принадлежности всех «почепцев» или их части). Другое дело, что эти предполагаемые предки славян тогда на Брянщине не остались, а ушли, как уже обосновывалось, скорее всего, на верхнюю Оку на рубеже II – III вв. н.э.

2-й этап славянизации Брянского края возможно совпадает с периодом т.н. «киевской культуры». Подробная историография ее открытия и изучения изложена А.М.Обломским⁴⁰.

Он выделяет три главных этнокультурных периода в ее становлении и развитии.

1. Постзарубинецкий (дочерняховский) – до оседания готов и их союзников в Северном Причерноморье и Среднем Поднепровье, то есть в тот исторический момент, когда эти племена, «зацепив» с собой часть носителей культуры штрихованной керамики уже начали движение на юг из восточной Польши и южной Прибалтики (конец II – середина III в. н.э.).

2. «Черняховский» - период сосуществования киевской культуры с культурой союза разноэтничных племен, возглавляемого готами. Линия разграничения культур проходила в нескольких десятках километров к югу от Десны и Сейма (конец III – IV в.н.э.).

3. Поздний - после гибели черняховской культуры под ударом гуннов (конец IV - середина V в. н.э.).

Население киевской культуры в настоящее время связывает с праславянами – венетами, на которых в середине IV в. н.э. совершил поход глава консолидировавшейся готской державы Германарих .

«После поражения герулов (германского племени, проживавшего в Приазовье и на Тамани – Е.Ш.) Германарих двинул войско против венетов, которые, хотя и были достойны презрения из-за (слабости их) оружия, были, однако могущественны благодаря своей многочисленности и пробовали вначале сопротивляться... Эти (венеты), как мы уже рассказывали в начале нашего изложения, - именно при перечислении племен, - происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов. Хотя теперь (середина VI в. н.э. – Е.Ш.), по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно, но тогда все они подчинились власти Германариха».⁴¹

Речь, скорее всего, идет о жителях ареала киевской культуры, находящейся к северу от черняховской. К востоку от нее шли кочевнические степи, к западу – фракийцы и германцы – гепиды, к югу располагалось Черное море. Кроме того, готам подчинялись некоторые племена, явно финно-угорские или балтские («меренс» - меря, «морденс» - мордва, «гольтескифы» (голядь ?)⁴², проживавшие от них за «киевским» ареалом, к северо-востоку от него. Бедный набор вооружения на памятниках киевской культуры (практически одни наконечники стрел-четырёх- или трехгранные, трехлопастные черешковые (гуннского типа)), хотя и является весьма косвенным доказательством, но так же резко контрастирует с богатым и разнообразным пшеворским и черняховским вооружением – мечами, копьями, боевыми топорами, щитами⁴³ .

Деснинский вариант киевской культуры, особенно его северный, брянский ареал является наименее изученным из всех. Очевидно, что население киевской культуры могло продвигаться сюда из двух древнейших (середины II – середины III в.н.э.) ее очагов – Среднего Поднепровья и Верхнего Поднепровья (восточной Беларуси) или как участники, или как «беженцы» от готско – западно балтского похода на юг.

Киевские древности на Десне появляются лишь со второго периода их существования – с середины III в.н.э.⁴⁴, а то и чуть позже. В итоге образуется пока ничем не заполненный хронологический разрыв (первая половина III в. н.э.) между почепской и киевской культурами. Возможно, его ликвидируют погребения и клады вещей с эмальями, о происхождении и датировке которых до сих пор не утихает дискуссия (выделяются 3 возможных центра начала их производства: юго-восточная Прибалтика (Литва и Мазурия), Верхнее Поочье (мощинская культура, Среднее Поднепровье, а время бытования определяются в пределах II – VI веков н. э.). Подесенье попадает как бы в «вилку» между этими центрами и является мостом между ними. Тем не менее как вещей с эмальями, так и артефактов, тесно контаминированных с ними, найдено в Брянском крае значительное количество (см. карту 2).

Очевидно, что проникали они сюда как вверх по Десне и Судости (из Среднего Поднепровья) (основной поток), так и из восточной Беларуси и мощинской культуры Поочья. А, возможно, просто оседали на «транспортных магистралях» между этими регионами. Из 10 местонахождений Брянского региона, где вещи с эмальями были обнаружены или отдельно, или в комплексе с другими украшениями (Глажево, Макча), 7 находится в бассейне Десны, 2 – на Ипути, местоположение одного не определено.

Находки на Ипути (рис. 4) маркируют, скорее всего, путь проникновения эмалей в Брянский край через восточную Беларусь, среднесудостинские - путь с юга, из Среднего Поднепровья, верхнедеснинские (с. Ивановичи на р.Ветьма) (рис.5) с северо-востока, с территории мощинской культуры. Фибула «готского типа» из Красных Двориков в бассейне Снежети, к востоку от Брянска (рис.6.) отмечает, скорее всего, наоборот – дальнейшее продвижение вещей с эмальями из Прибалтики и восточной Польши (через Беларусь) или Среднего Поднепровья через бассейн Десны на территорию мощинской культуры. Дата этой фибулы по ближайшим датированным аналогиям – III, может быть – начало IV в. н.э., то есть время ее «выпадения из оборота» может совпадать с концом раннего - началом среднего периода киевской культуры и опосредованно связана с продвижением готов и их союзников на юг.

Из находок на западе Брянского края, как бы на «входе» в Деснинский регион, а не на «выходе» из него, наибольший интерес представляет предполагаемое захоронение в урочище «Малинов Остров» в пойме р.Ипуть у с. Вышков Злынковского района. Обстоятельства находки известны приблизительно, через «третьи руки» - окончательные данные предоставил известный

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА И.Г. ПЕТРОВСКОГО
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

241036, БРЯНСК, УЛ. БЕЖИЦКАЯ, 14, Тел. (4832) 66-66-45,
E-MAIL: HISTORFACULTY@MAIL.RU, BGU2ISTFUK@YANDEX.RU
ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ: HTTP://HISTORFACULTY.NAROD.RU

злынковский краевед А.И.Поддубный. На скелете, обнаруженном детьми в подмываемом рекой могильнике (?) находилось 6 лунниц с красной эмалью, уцелела одна из них (рис.4). Датируется как IV – V вв. н.э.⁴⁵, так и концом II – серединой III в.н.э.⁴⁶. В этой связи более важным для уточнения датировки представляется представление дополнительных аналогий как самому предмету, так и комплексу («обстоятельством находки») в котором он был обнаружен.

При почти полном господстве обряда кремации не только в киевской культуре, но и в центральной полосе Восточной Европы в целом (за исключением финно-угорского северо – востока и иранско (позднее-гуннско)- кочевнического юга) – предлагаемая ингумация с «Малинового Острова» может уточнить не только этнос, но и дату захоронения носителей красноэмалевых лунниц. Захоронения по обряду ингумации появляются и в пшеворской (вандало-славянской), и в вельбарской (готско-балтской) культурах по мере их продвижения на восток и юг. На фоне преобладающего обряда кремации, редкие ингумации могут указывать либо на иноэтнические (кельтские, иранские, прибалтийские) вкрапления, либо отражать социальное развитие и стратификацию базового (германского) этноса, как, например, в «княжеском погребении» у с. Рудка⁴⁷. Почти все ингумации находятся на востоке вельбарского ареала, в бассейне южных притоков нижнего течения р. Припять, где близко подходят к границам и киевской, и черняховской культур. Часто вельбарские и черняховские захоронения встречаются на одних могильниках. В самой черняховской культуре господствует биритуализм – совместно встречаются и кремации, и ингумации с разной ориентировкой скелета (преобладает и является наиболее ранней северная, но широко распространена и западная (позднее - славянская), встречаются и иные ее варианты. Есть здесь и «княжеские захоронения», но и они совершены в глубоких (до 3-х – 3,5 метров) и широких ямах, с богатым инвентарем. Наименьшее количество заупокойных подношений встречено в ингумациях с западной ориентировкой, что также типично для славян.

Однако черняховские могильники располагались а высоких местах, выше поселений⁴⁸, а захоронение «Малинова острова» обнаружено внизу, в пойме Ипути.

Встречаются ингумации на Среднем Днепре и поздние, в пост-черняховское время (вторая половина V – начало VI в. н.э.), но в основном либо в тех зонах этого региона, «где сохранялось (не обязательно в форме непосредственной поселенческой преемственности) черняховское наследие», либо там, где ощущалось «влияние степных культур»⁴⁹. Действительно, гуннские (акацирские) труположения встречены достаточно далеко на севере, на верхнем Дону⁵⁰, однако они сопровождаются захоронениям коня.

Наиболее вероятной представляется литовская версия происхождения как обряда, так и инвентаря захоронения на «Малиновом острове». Далеко не у всех балтов, прото- и прабалтов того времени существовал обряд труположения, преобладали, как и у германцев и славян (а также прото-и праславян -венедов) захоронения по обряду кремации. Но западная Литва относится к тем регионам балтского мира, где в I – IV вв. н.э., да и позднее, обряд ингумации был единственным. В захоронении девушки в Курманчай (Жемайтия), кроме того, в составе украшений встречено ожерелье из шести (как и на Ипути) привесок – лунниц с эмалью (рис.8), хотя и несколько иного типа⁵¹. Датируется это погребение III – IV вв.н.э.⁵². Скорее всего, можно вести речь о постепенной инфильтрации западнобалтского населения или, по крайней мере, элементов культуры на восток. Возможно, именно находка на «Малиновом острове» лишней раз подтверждает предположение В.И.Кулакова о «новом импульсе из Янтарного края в Среднее Поднепровье...(по бассейнам рр. Немана и Березины) на рубеже II-III вв. н.э.»⁵³. Не исключено, что этот «импульс» мог проходить через Беларусь, так как именно здесь, на поселении «позднелитовской» культуры Абидня у пос. Адаменки на р.Днепр также найдены предметы с эмальями раннего времени. Попадание сюда «литовских» предметов с эмальями связано здесь, скорее всего, с проникновением с запада культуры штрихованной керамики, составляющей верхний горизонт слоя, в котором, собственно и была найдена лунница⁵⁴. Приток носителей этой культуры, также, вероятно, был связан с движением готов на юг, вовлекших в миграционный процесс и западных балтов- «штриховиков». К сожалению, ни в Литве, ни в Беларуси, ни в Среднем Поднепровье, лунницы не были обнаружены в закрытых комплексах с материалами, дающими абсолютные даты- например, с монетами. Это же относится и к другому типу украшений (деталей костюма) с эмальями - подковообразным фибулам с дисками на концах.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА И.Г. ПЕТРОВСКОГО
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

241036, БРЯНСК, УЛ. БЕЖИЦКАЯ, 14, Тел. (4832) 66-66-45,
E-MAIL: HISTORFACULTY@MAIL.RU, BGU2ISTFUK@YANDEX.RU
ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ: HTTP://HISTORFACULTY.NAROD.RU

Один из деснинских экземпляров («Красные дворики», рис. 6.) относится к раннему варианту (с тонким круглым ободком). Однако по поводу абсолютных дат и месте изначального производства фибул этого варианта существуют не только расхождения, но и прямо противоположные взгляды. Исследователи сходятся лишь в одном – именно этот вариант фибул является самым ранним и непосредственно восходящим к пряжкам провинциально-римских типов. Центрами же производства их «варварских» (с профилировкой посередине дуги) подражений называлась Мазурия и Пруссия⁵⁵, с другой стороны – Среднее Поднепровье⁵⁶.

Первый центр находится на стыке западнобалтийской культуры и культуры шрихованной керамики, а с III в. н.э. вдоль его южной границы, как бы обтекая, слегка «зацепляя», продвигается на юго-восток вельбарская культура. Второй центр для I – II вв. н.э. совпадает с позднезарубинецкой группой типа Лютеж – Оболонь, с конца II в. – с ядром формирования киевской культуры. Если перевести археологические реалии в этноисторические, то можно высказать три версии распространения данного варианта подковообразных фибул с эмальями, а значит, проследить и направления этнических миграций.

Версия 1: носители вельбарской культуры – готы (а по Р.Шиндлеру, Ю.В. Шукину, Ю.В.Кухаренко и М.Б.Шукину – также и гепиды)⁵⁷, с присоединившимися к ним носителями западнобалтийской культуры и культуры шрихованной керамики, а также праславяне – венеды (оксывская культура польского Поморья, по И.Костшевскому)⁵⁸, «принесли» эти фибулы в Среднее Поднепровье. Однако, по новейшим данным, готы и их соседи достигли вышеуказанного региона («земли Ойум», по Иордану) не раньше 230, а то и 280 г.н.э.⁵⁹

Однако подковообразные фибулы Среднего Поднепровья генетически восходят к прототипам II в.н.э. или второй половины II – начала III в. н.э.⁶⁰. Существует точка зрения о датировке даже более восточных (до бассейна Дона включительно) вещей с эмальями «дочерняховским» (читай - доготским) временем, серединой II – серединой («или чуть позже») III в. н.э.⁶¹. Мало того, даже часть финно-угорских подражаний подковообразным фибулам с эмальями, которые считали возможным датировать V – VI в.н.э., происходят из слоев Дьякова городища в Москве, датированных рубежом II – III в. н.э.⁶²

Версия 2: возникнув в среднеднепровском варианте позднезарубинецкой (типа Лютеж – Оболонь) культуры или на раннем (вторая половина II – середина III в.н.э.) этапе киевской, указанные фибулы, а, возможно, и иные вещи с эмальями (но не население) продвигаются благодаря характерному для эпохи миграций эффекту «культурной непрерывности» навстречу движению готов и достигают Прибалтики.

Версия 3: по аналогии с черняховской культурой III – IV вв. н.э., которая являлась конгломератом различных племен и даже народов (включая, как известно, праславян - венедов) и в то же время имела общие, объединяющие их всех, черты материальной культуры, можно предположить и существования подобной общности II- III вв.н.э. от Юго-восточной Прибалтики до Среднего Поднепровья, Подонья и Подесенья. Эта общность, зажата между «феннами», германцами (бастарнами-певкинами) и сарматами⁶³, могла принадлежать только венедам, в которых видят либо прото-славяно-балтов либо праславян⁶⁴. Правда, западную («праславянскую») ветвь этой общности обычно смещают к югу, из Беларуси в Польшу, но существует и «белорусская» теория, включающая тушемлинскую культуру⁶⁵ и даже культуру штрихованной керамики⁶⁶, обычно относимые к балтам.

В этом случае вещи с эмальями, включая подковообразные фибулы с дисками на концах, возникают именно у венедов (понимая под ними общих предков и славян, и балтов) и их сгустки маркируют те части их территории (киевская, позднее-западнобалтийская культура), где они чаще контактировали с римским миром.

Первая версия имеет пока один, но весьма существенный недостаток: если на юго-востоке (изначально «киевском») своего ареала вещи с эмальями получили новые, достоверно более древние даты, то на северо-западе даты остались прежними – II – IV, а то и V в. н.э. Т.е., если нашествие готов, гепидов, «штриховиков» и способствовало распространению вещей с эмальями, то лишь в обратном направлении – из Поднепровья в Прибалтику. Впрочем, захоронения с лунницами на Ипути подтверждают и прямые связи Литвы и Брянского края в древности, причем, судя по обряду, с запада на восток. Впрочем, и здесь не исключен «киевско»- венедский «след» происхождения лунниц. Несколько их типов, в т.ч. и ближайшая аналогия «брянской» найдено на

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА И.Г. ПЕТРОВСКОГО
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

241036, БРЯНСК, УЛ. БЕЖИЦКАЯ, 14, Тел. (4832) 66-66-45,
E-MAIL: HISTORFACULTY@MAIL.RU, BGU2ISTFUK@YANDEX.RU
ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ: HTTP://HISTORFACULTY.NAROD.RU

поселении Абидня в восточной Беларуси, которое уже давно признано одним из центров возникновения и формирования киевской культуры⁶⁷.

Очень важна в свете подтверждения ранних дат вещей с эмалями не только в Среднем Поднепровье, Подесенье и Поочье, но и в Подесенье, новая находка в Брянском регионе подковообразной фибулы с дисками и профилировкой в середине дуги. Она относится к несколько более позднему типу – дуга у нее не круглая, а треугольно-уплощенная в сечении. Определенную уникальность ей придают поперечные насечки по ребру дужки (рис.7).

Наибольшее количество аналогий и экземпляры, представляющие ее типологическое развитие, имеются в Литве и южной Латвии (западнобалтийская культура)⁶⁸. Наиболее близкая по форме (но отличная по цвету и рисунку эмали) фибула из детского погребения в пригороде Каунаса Саргенай датируется II в.н.э.⁶⁹. Фибулы из «анонимного» брянского клада (всего 2 подковообразных и круглая) встречены в сопровождении римских сестерциев Траяна, Адриана, Антонина Пия, Марка Аврелия, Септимия Севера – суммарные даты правления которых – 98-210 гг. н.э.

В Литве, в отличие от Подесенья, встречаются и хронологически более поздние экземпляры (IV – V, чаще – просто V в. н.э.), представляющие развитие этого же типа. Цвет и рисунок эмалей на них более схож с «брянской», чем саргенайской фибулой (сплошная красная заливка фона). В итоге «брянская» представляет собой, скорее всего, недостающее звено в типологической цепочке между саргенайской, ранней, и более поздними литовскими фибулами и датироваться III в.н.э., скорее всего, его началом или первой половиной.

Подтверждение ранней датировки эмалей и для Подесенья ставит под вопрос версию о появлении киевской культуры в этом регионе лишь на втором этапе. Дело в том, что по А.М.Обломскому, вещи с эмалями характерны лишь для раннего (дочерняховского) этапа⁷⁰, а затем вытесняются черняховским импортом. Либо в северной части культуры эти вещи существуют дольше (как, например, в Прибалтике или в финно-угорских древностях), либо все же первый этап киевской культуры в данном регионе все же присутствует, либо эмали пришли сюда не с территории киевской культуры или, во всяком случае, не с ее жителями, появившись в Подесенье (по крайней мере, в Среднем) раньше самой культуры.

С учетом слабой археологической исследованности среднедеснинского варианта киевской культуры (к северу от очерченной в 1991-1993 гг. линии распространения ее жилищ) и практической неразработанности типологии поселений, жилищ, керамики данного варианта, мы вынуждены для решения возникшей дилеммы оперировать пока отдельно, несистематизированными фактами. Во-первых, отметим две точки зрения на проблему преемственности почепской культуры и деснинского варианта киевской. К.В.Каспарова указывала на активное участие в начавшемся процессе образования новой культуры (киевской), в переходный период второй половины I – начала II в. н.э. «горизонта Рахны – Почеп» под влиянием северных и западных соседей⁷¹. А.М.Обломский категорически отрицает преемственность в развитии этих двух культур, считая, что область ... формирования киевской культуры «лежит за пределами» Подесенья в целом, в регионе которого «памятники киевской культуры» «появляются ... в уже сложившемся виде» «на рубеже II и III вв. или начале III в.»⁷². Автор не указывает, откуда именно. Однако, судя по его (и Р.В.Терпиловского) позднее опубликованным картам⁷³ - с запада (от Абидни) на нижнюю Десну с последующим поворотом на север, вверх по ее течению. На этих картах весь Деснинский регион относится к среднему периоду киевской культуры (вторая половина III – первая половина IV в. н.э.)⁷⁴, однако ранее указывалось⁷⁵, что для этого периода вещи с эмалями уже не характерны. Впрочем, на том этапе исследований в Среднем Подесенье (и Брянском крае в целом) был обозначен только один «киевский» памятник – Кветунь⁷⁶ - Макорзно. Сейчас их известно гораздо больше и, хотя горизонт киевской культуры на них в основном еще не отделен от последующего колочинского, но их ареал в целом совпадает с ареалом вещей с эмалями и артефактов, имеющих с ними «неслучайные» связи (12 местонахождений: рис.2). Самым северным памятником считается одно из селищ у д. Касилово на р.Ветьма (Жуковский район Брянской области), исследованное калужскими археологами⁷⁷ в 1991 г. и определенной ими как «колочинское»⁷⁸, а позднее А.М.Обломский отметил на одном из двух селищ наличие предметов позднего периода (IV- первая половина V в.н.э.) киевской культуры. Не противоречит

этому и обнаружение в 1896 г у с. Ивановичи к северу от Касилова двух треугольных фибул с эмалями⁷⁹ (рис. 6).

К 2000 г. появились карты, на которых уже значительная часть Брянского региона была отнесена к ареалу киевской культуры.

По В.В.Седову она занимает весь юг Брянской области до нижней Ипути, верховий р.Снов и правого притока Судости – р.Вабли, а севернее оба берега Десны и междуречье Десны и Судости до верховий Судости и почти до Брянска⁸⁰. У Н.В.Лопатина при той же северной границе, деснинско – киевский ареал несколько сокращен к югу (не доходя до Ипути) в западной (от р.Снов) части, но увеличен к северо-западу от Судости – Вабли и востоку от Десны⁸¹.

Судя по расположению местонахождений вещей с эмалями и связанных с ними артефактов, датировке этапов развития известных памятников киевской культуры в Подесенье, заселение этого региона проходило прямо с юга на север, вверх по р.Снов, Десна, а затем и по Судости, достигнув в IV в. н.э. верхней Десны (Касилово, Ивановичи)⁸². Дополнительные импульсы этой миграции могло дать появление готов в Среднем Поднепровье в конце III в. н.э. и агрессия против венедов Германариха во второй половине IV в. Гуннское вторжение 70-х гг. IV в. вряд ли напрямую сказалось на этнических процессах в Подесенье, т.к. разбитые гуннами готы отступали либо на юг, в Крым, либо на запад, либо на северо-восток – на верхний Дон⁸³ и далее на Волгу (германские элементы в именьковской культуре Среднего Поволжья)⁸⁴, «зацепив с собой и венедско-киевские элементы», но никак не прямо на север. Сами же гунны смогли оказать влияние на миграции народов Восточной Европы лишь во второй половине V в.н.э., после их поражения на Каталаунских полях в 451 г. и последующей гибели Аттилы.

Гуннское воздействие в лесном Подесенье практически не ощущается, за исключением 2-х – 3-х черешковых трехлопастных наконечников стрел «кочевнического типа» гуннского времени (Хохлов Вир⁸⁵, Рассуха, возможно Случевск (плохо сохранился))⁸⁶.

Но если прямого удара гуннов венеды деснинского варианта киевской культуры избежали (в конце IV в. исчезает, «уплотнив», вероятно, дополнительным оттоком населения, более северные ее районы, лишь ее среднеднепровский вариант), то отдаленное эхо этого нашествия на Европу через 100 лет все же коснулось Подесенья, права, с «тыла». Под давлением пришедших в начале V в.н.э. в Центральную Европу гуннов часть дунайских германцев, «прихватывая» по дороге иноэтничные племена, в т.ч. славянские и балтские, совершила целую одиссею. От Дуная они прошли на север через Прибалтику, далее по Неману – Западной Двине в области тушемлинской, дьяковской и мощинской культур, осев в основном в рязанском течении Оки к концу V в. н.э.⁸⁷. «Стресс», которому подверглись до этого жившие сравнительно спокойно северные лесные племена, привел к крупным социальным изменениям у «тушемлинцев» и «дьяковцев», появление у последних грубых подражаний фибул с эмалями⁸⁸. Полностью была уничтожена мощинская культура⁸⁹, хотя это и не единственно возможная точка зрения⁹⁰. Получает объяснение и дополнительную аргументацию продвижение на юг в ареал культуры штрихованной керамики, смоленских «тушемлинцев»⁹¹, появление на Десне средневековых древностей (гривна из с. Козловка под Трубчевском)⁹². Остатки «мощинцев» - голдов или «голтескифов» (более поздней голяди ?) по Болве и Ветьме движутся навстречу носителям киевской культуры. Возможно, свидетельством встречи культур на Ветьме стали треугольные фибулы с эмалями типа мощинского клада у с. Ивановичи, находка фрагмента такой же фибулы в верховьях Ипути (Христово).⁹³

С другой стороны, в ареал киевской культуры начинает проникать тушемлинское население (преемники днепро-двинцев), что в итоге приводит к некоторой его «балтизации» и формированию в VI в.н.э. быстро распространившейся на юг колочинской культуры. Впрочем, в свете теории единой венедской (прабалто-славянской) общности⁹⁴, этнические изменения не могли быть сильными, поэтому произошли быстро и несущественно отразились на разнице в облике киевской и колочинской культур.

Однако, если не считать одну редкую теорию о «славянстве» тушемлинской культуры⁹⁵ или ее венедской принадлежности⁹⁶, то все же события конца V в. привели к некоторой деславянизации Брянского края, т.к. если носителей киевской культуры чаще относят к славянам (или праславянам - венедам), то «тушемлинцев» - к балтам (или прабалтам).

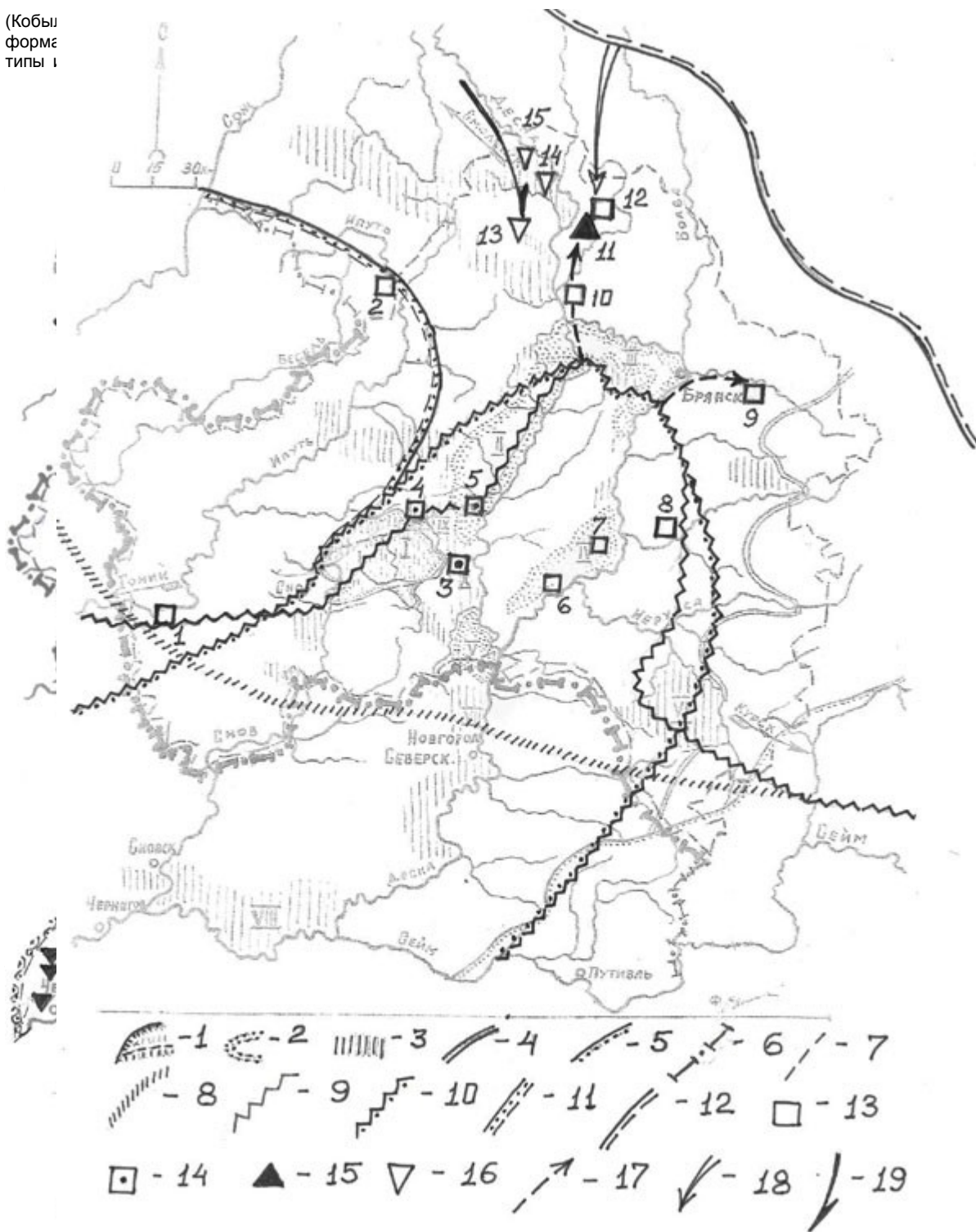
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА И. Г. ПЕТРОВСКОГО
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
241036, БРЯНСК, УЛ. БЕЖИЦКАЯ, 14, Тел. (4832) 66-66-45,
E-MAIL: HISTORFACULTY@MAIL.RU, BGSU2ISTFUK@YANDEX.RU
ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ: [HTTP://HISTORFACULTY.NAROD.RU](http://historfaculty.narod.ru)

Однако, уже в VI в.н.э. начался новый приток славян – антов в Подесенье, артефакты которых (пеньковской культуры) проникают далеко на север в недра колочинской культуры, знаменуя следующий, уже не вызывающий разногласий этап славянизации Брянского края.

- ⁱ 1. Шинаков Е.А. Подесенье как историко-культурный регион // Деснинские древности. Вып. I. – Брянск, 1995. С.9-12; Он же. О характере размещения населения на пограничье степи, лесостепи и леса в древнерусскую эпоху (по материалам Левобережья Днепра) // Гістарычна - археалагічны зборнік № 8.- Мінск, 1996. С.236 – 255; Он же. Среднее Подесенье на стыке политико-культурных регионов // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В.Ломоносова. – М., 1999. С.241 – 243; Он же. Регионально-потестарное деление: Юго-Восточный и Центральные регионы // Образование древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. – Брянск, 2002. С.109 – 111, 118 – 132.
- ⁱⁱ 2. Крашенинников В.В. Взгляд через столетия. – Тула, 1990. С.5.
- ⁱⁱⁱ 3. Шинаков Е.А. История крестьянства Западного региона РСФСР. Период феодализма. Воронеж, 1991. Гл.1.С.9-26 (в соавт. с Е.А.Шмидтом). Он же. Тайны древнего городища // «Пересвет», № 5 (Брянский краевед. Вып. 2). 1992. С.42-44; Он же. История Брянского края. Ч.1. – Брянск, 2000. Гл.1. Научные публикации: Шинаков Е.А. Захоронения I тысячелетия нашей эры на городище у с. Случевск // Культура Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев, 1986. С.68-72; Гурьянов В.Н., Миненко В.В. Новые исследования поселений почепской культуры в Верхнем Подесенье // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы VIII региональной научной конференции 17-19 марта 1999 г. -Калуга, Изд-во Н.Бочкаревой, 2001, С.36-40..
- ^{iv} 4. Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. – М., Л.:Наука, 1963. С.136-140.
5. Массалитина Г.А. Новое селище колочинской культуры на Верхней Десне // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и запада России. – М.; Брянск, 1996. С. 38-40.
6. Обломский А.М. О ритмах развития лесостепного Поднепровья и Подонья в позднеримское и гуннское время // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. – Липецк, 1999. С.127 – 134.
7. Падин В.А. К истории славян Подесенья // Деснинские древности. Вып. I.- Брянск, 1995. С.54-58.
8. Русанова И.П. Славянские древности VI – VII вв. – М.: Наука, 1976. С.7.
9. Рыбаков Б.А. Древние русы // СА. Т. XVII. 1953.
10. Земцов Г.Л. Некоторые вопросы изучения зарубинецкой культуры // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. – Липецк, 1999. С.136-138.
11. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. – М.; Л., 1966. С.168-170, 228.
12. Щукин М.Б. Горизонт Рахны – Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев, 1986. С.26-39.
13. Амброз А.К. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н.э. // СА. 1964. № 1.
14. Воронятов С.В. Почепская культура римского времени: терминологическая условность или археологическая реальность? (К вопросу о неоднозначности определений) // Альманах молодых археологов – 2004.- СПб., 2004. С.27 – 32.
15. Амброз А.К., 1964. С.66-67.
16. Уманец А.Н., Шевченко Ю.Ю. Причерниговские памятники начала эпохи еликого переселения народов // Архітектурні та археологічні старожитності Чернігівщини. Чернігів: «Сіверянська думка», 1992. С.35-39.
17. Там же. С.39. С учетом того, что в настоящее время носителями пшеворской культуры считаются не готы, а вандалы (Kokowski A/ Die Przeworsk – Kultur ein Völkerverband zwischen 200 vor Chr. Und 375 nach Chr. // Die Vandalen «Trigena», 2003. S. 77 – 83), то этническая подоплека тех процессов, которые могли привести к начальной славянизации Брянского края еще более усложняется. Впрочем, следует отметить попытки историков еще XVI в. (А.Крантуа, и И. Бельских) обосновать «генетическое» родство вандалов и венедов – славян (Седов В.В., 1994. С. 12).
18. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. 2003. С.18.
19. Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I – V вв. н.э.- М., Сумы, 1991. С.35-47. Он же. Позднезарубинецкие памятники // Славяне и их соседи... 1993. С. 47-48; Он же и Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.; «Наука», 1991. С.62, 78.
- ^v 20. Шевченко Ю.Ю. Почепские древности Десны – хронология связей // Деснинские древности. Вып. I. – Брянск, 1995. С. 48 – 51.
21. Уманец А.Н., Шевченко Ю.Ю., 1992. С.39.
22. Максимов Е.В. Культура Поянешти –Лукашевка // Славяне и их в I тысячелетии н.э. – М.: «Наука», 1993. С.94,95.
23. Не считая очень «старых» (XV-XVI вв.) западнославянских теорий об изначальном тождестве славян с роксоланами и другими скифо-сарматскими племенами (см: Седов В.В. Очерки по археологии славян. М.: «Наука», 1994. С. 10-11).
24. Славяне и их соседи... 1993. С.65. Карта 6; Kokowski A. Die Przeworsk... 2003. S.114-115.
25. Земцов Г.Л., 1999. С.137-138.
26. Седов В.В. Восточные славяне в VI – VIII вв. – М.: «Наука», 1982. С.43.
27. Заверняев Ф.М. Почепское селище // МИА. 1969. № 160; Массалитина Г.А. Об одном типе построек в верхнем Подесенье и Поочье // ДД. Вып. I. – Брянск, 1995. С.58-60; Раскопки Е.А.Шинакова, 1986 г.: материалы находятся в печати.
28. Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европе. – М.: Наука, 1996
29. Обломский А.М., 1991. С.98-104; Акимов Д.В., Медведев А.П. Памятники типа Чертовицкого городища III на Верхнем Дону // Культурные трансформации и взаимовлияния в днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб, 2004. С. 127.
30. Массалитина Г.А., 1995. С. 59 (по раскопкам И.К.Фролова).
31. Там же. С.60.
32. Бугров Д.Г. К вопросу о «германских» параллелях в домостроительстве именьковской культуры // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. – Липецк, 1999. С.138-140. Существует и иная, впрочем, и хронологически, и территориально- культурно близкая версия происхождения «именьковцев» - «переселенцев из черняховско-пшеворского ареала» «в связи с гуннским нашествием» (Седов В.В., 1994.С.57.).
33. Шмидт Е.А. Проблемы хронологии тушемлинской культуры в верховьях Днепра // Археология і старожытна гісторыя Магілёўшчыны і сумежных трыторый. – Магілёў, 1994. С.107 – 108; Он же. Днепро-двинская культура раннего железного века в верховьях Десны // ДД. Вып.1. – Брянск, 1995. С.47; Он же. Верхнее Поднепровье и Подвине в III – VII вв. н.э.: Тушемлинская культура. – Смоленск, 2003. С.165.
34. Шевченко Ю.Ю., 1995. С. 51.
35. Уманец А.Н., Шевченко Ю.Ю., 1993. С.35.
36. Шинаков Е.А., 1991. С.20 – 21.
37. Терпиловский Р.В., Обломский А.М., 1991

38. Амброс А.К. Длинные дома Полужского городища IV – III вв. до н.э. // Древняя Русь и славяне. – М.: «Наука», 1978. С.33, 38-39.
39. Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1991. С.117.
40. Обломский А.М., 1991. С. 5 – 35; см. также: Максимов Е.В., Терпиловский Р.В. Киевская культура // Славяне и их соседи..., 1993. С. 106 – 108.
41. Иордан, 2003. С.17.
42. В.В. Седов отождествляет с голядью мощинскую культуру, «гольтескифами» («смесью» балтов и иранцев) считая носителей киевской культуры (Седов В.В. Гольтескифы // Культурные трансформации... 2004. С.88-96). Существует иная точка зрения на этническую природу «гольтескифов». Так, польский исследователь А. Коковский высказывает точку зрения, что Иордан имел в виду какой-то богатый золотом народ, скорее всего, уральского происхождения, считая, что данный этноним следует читать как *Golperiuodos* – «goldene Völker» (Kokowski A. Die Goten // «Die Vandalen». - Trigena Mediateam, Nordstemmen, 2003. S. 352).
43. См., например; Черняховская культура // Славяне и их соседи..., 1993. табл. LXXII, LXXIII. С учетом того, что готы в тот (пост-вельбарский) период их истории хоронили почти без оружия, и его наличие связывается с шеворским (вандалским) влиянием (там же. С.146), приличная «вооруженность» части черняховских погребений становится еще более показательной.
44. Славяне и их соседи..., 1993. С. 263. Табл. XLIII.
45. Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половине VI в. н.э. в Среднем Поднепровье // САИ. Вып. Е 1-43. – Л.: «Наука», 1978. С.54.
46. Гороховский Е.Л. Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я з виїмчастою емаллю // Археологія, 1982. № 38. С.30: Обломский А.М., 1991. С.25; Славяне и их соседи..., 1993. Табл. XLIII. «Средние» даты для лунниц с эмальями (III – IV вв. н.э.) приводят Е.М. Кухарская и Р.В.Терпиловский (Некоторые типы лунниц III – IV вв. в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. – Киев: «Наукова думка», 1981.С.69-79. При этом экземпляр, найденный на Ипути, по их классификации явно относится к ранним – III в. н.э. (Там же. С.75).
47. Русанова И.П. Вельбарская культура // Славяне и их соседи..., 1993. С. 187. Табл. ХСVI:11.
48. Черняховская культура // Славяне и их соседи..., 1993. С. 134.
49. Гавритухин И.О. Среднепровские ингумации второй половины V – VI в. // Культурные трансформации...2004. С. 212.
50. Синюк А.Т., Кравец В.В. Гунское погребение на юге Воронежской области // Археология Центрального и сопредельных территорий. – Липецк, 1999. С.141-144.
51. Lietuviu liaudies menas.- Vilnius, 1958. Рис. 81.
52. Там же. С. 344.
53. Кулаков В.И. Козельский микрорегион в среднем железном веке // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Ч.1. Калуга, «Полиграф - Информ». 2001.С.47-48.
54. Pobil L. Skarb metalowych pasow z okresu rzymskiego odkryty w miejscowosci Krasnyj Bor (BSSR). – Wiadomosci archeologiczne. – Warszawa, 1972. S. 134-135. Т. I : 15-17.
55. Moora H. Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmucks // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakaus kirja. – Helsinki, 1934. S.84
56. Корзухина Г.Ф., 1978.С.29
57. См.:Славяне и их соседи ..., 1993. С. 182, 185.
58. Там же. С.182-183
59. Kokowski A. Archeologia Gotow (Goci w Kotlinie Hrubieszowskiej).- Lublin, 1999. S.131.Рис.159.
60. Гороховский Е.Л., 1982. С.30; Он же. О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. – Киев: «Наукова думка», 1982. С.133, 134.
61. Обломский А.М., 1991. С.25.
62. Там же.1991. С.25.
63. Тацит К. Сочинения. Т.I. – Л., 1969. С. 372 – 373.
64. См., например; Лебедев Г.С. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне; этногенез и этническая история. – Л.: Изд – во ЛГУ, 1989. С. 106 – 107, 114.
65. Там же. С. 110 – 114.
66. Мачинский Д.А. Территория «Славянской прародины» в системе географического и историко-культурного членения Евразии в VIII в. до н.э. – XI в. н.э. (контуры концепции) // Славяне; этногенез и этническая история. – Л.: Изд – во ЛГУ, 1989. С. 121 – 123.
67. Каспарова К.В. Поздняя фаза зарубинецких могильников // Культура Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев, 1986. С.15.
68. Lietuviu..., 1985. Рис. 165, 241; 164, 167, 258, 259, 263, 264; Корзухина Г.Ф..., 1978. Табл.24:2,3,4,5; табл.28:6.
69. Lietuviu..., 1958. S.348. Рис. 165, 241.
70. Обломский А.М., 1991. С. 25.
71. Каспарова К.В., 1986. С.15.
72. Обломский А.М. Культурно-типологические группы позднезарубинецких памятников Подесенья и их взаимоотношение с деснинским вариантом культуры // Культура Восточной Европы в I тысячелетии. – Куйбышев, 1986.С. 53.
73. Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1991. Рис. 28; Славяне и их соседи..., 1993. С.118.
74. Славяне и их соседи..., 1993. Карта 22.
75. Обломский А.М., 1991. С. 25.
76. Славяне и их соседи...,1993. Карта 22.
77. Массалитина Г.А. Новое селище колочинской культуры на Верхней Десне // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. – М.; Брянск, 1996. С. 38-40.
78. Там же. С.39.
79. Место хранения – Орловский краеведческий музей, № ОКМ 956 / 1-2.
80. Седов В.В., 2004. Рис.4
81. Лопатин Н.В. Керамические стили и культурные группы III – V вв. н.э. в Верхнем Поднепровье и Подвинье // Культурные трансформации..., 2004. Рис. 6.
82. Кстати, хороним «Ивановичи» относится к древне-общеславянскому, если не к православянскому (венедскому) топонимическому ряду и является (наряду с Селиловичами на р.Габья) самым северным в Брянском крае. Продвижение древних славян или даже праславян – венедов на юге области маркируются такими хоронимами, как Судо(го)сть, Радо(го)шь, Белого(р)шь, Чемлыж, Смелиж, Стародуб, Случьск (Случевск), Могилевцы, а также сходными с Ивановичами по форманту названиями - Любожичи, Добрыничичи, Халеевичи, Павличичи, Андрейковичи, Дежковичи, Чурковичи, Посудичи, Яковлевичи, Комаричи, Мытничичи, Щербиничичи, Бобовичи, Найтоповичичи, Лыщичи, Красновичи, Холмичи, Брянкустичи, Дареевичи, Сопычи. Вторая группа древнеславянских названий концентрируется в большой (брянской) излучине Десны от Брянска на юго-востоке до р. Угость на северо-западе. Далее к северо-западу названия с древнеславянскими формантами тонкой цепочкой продвигаются до смоленского течения Десны. В этом регионе встречены следующие хоронимы - Усчиж (Вщиж), Болдыж, Барковичи, Рековичи, Радичи, Харичи, Немиричи, Тешеничи, Теменичи, Елисеевичи, Дарковичи, Дятковичи, Кабыличичи

(Кобы
форме
типы I

ческим
ческие
С.48 и
далее к
льшой
бы бы
ры (?)
лняют
ках), в
т.ч. и
ерней
го края
енно в
ющего

у //
ропы I

з (типа
в. н.э.
ухи по
эпохи
гурные

сте до
ателя,

кского
зья с
ада с
ам же.
дова и
еверо-
одище
вует и
174. С.
юстью
истока,
S. 344

падно-
0 - 48).
ением
зации»
отипа»

VI : 8;

Прото-
зская,
ями» -
аажско-
еднем
епции,
Европы

96.Шукин М.Б. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян: Перспективы третьего пути // АСГЭ. Вып. 28. – Л., 1987. С. 103 – 119.

Рис.1.

Рис.2

рис. 1. 1
словни
олья; 3
рамснн, предол
(леса и лесосте
границы облас
пошепской кул